

УДК 94(571.150)

ББК 63.3(2Рос-4Алт)5

**Особенности формирования образа горнозаводского
Алтая в сочинениях современников (вторая половина
XVIII — первая треть XIX в.)***

В.В. Ведерников

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Specific of the Mining Altai Image in the Works
of Contemporaries (the Second Half of the XVIII
and First Third of the XIX Centuries)**

V.V. Vedernikov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Автор обращается к малоизученному вопросу о формировании образа Алтая в записках путешественников в горнозаводскую эпоху. Достижения исследователей до сих пор не получили историографической оценки. Проблема в том, что никакого единого образа Алтая не существовало, поэтому для общей оценки записок путешествий важно сравнить впечатления современников с научными представлениями о горнозаводской эпохе. Автор привлекает не только хорошо известные сочинения, но и труды, не переведенные на русский язык. Путешественники посещали Колывано-Воскресенские заводы в переломные моменты истории для того, чтобы оценить их промышленный потенциал. Современники не только отвечали на вопрос о ресурсах и перспективах сереброплавильного производства, но и брались за решение важных научных проблем, например о геологических процессах с позиций непунической и плутонической теорий, а также о древнем населении Южной Сибири, так называемой чуди. Процессы политического присоединения Алтая и стихийной земледельческой колонизации рассматривались как основа для быстрого развития горного дела и достижения европейского уровня производства. Создавался образ региона с процветающим горным делом и сельским хозяйством. К этим оценкам современников горнозаводской эпохи автор статьи подходит с позиций научной критики.

Ключевые слова: Алтай, Барнаул, горнозаводское производство, Гумбольдт, Змеиногорск, Колывано-Воскресенские заводы, серебро.

The author researches the poorly studied issues about the image of Altai in travelers' notes in the mining period. The researches' results have not obtained a historiographical assessment. The problem is that there was no single image of Altai so to analyze the travelers' notes it is important to compare the impressions of the contemporaries with scientific knowledge about the mining period. The author of the article uses both already well known works and the works which have not been translated into Russian. The travelers attended Kolyvano-Voskresensky factories at the turning points of their history to determine their industrial potential. Contemporaries not only answered the question about the resources and the prospects of silver smelting, but also tried to solve important scientific problems about geological processes using neptunic and plutonic theories, and also about ancient human population of the Altai territory, the so called "chud". The processes of political joining of the Altai Territory to the Russian Empire and spontaneous agricultural colonization were considered as the ground for quick development of mining in Altai and achieving the European level of production. The regional image was made as of the region with flourishing mining industry and agriculture. The author of the article approaches to such conclusions from the position of scientific criticism.

Key words: Altai, Barnaul, Humboldt, Kolyvano-Woskresensky foundries, mining, silver, Zmeinogorsk.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-05

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р) «Историко-географические образы Алтая в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX в.».

Во второй половине XVIII — первой трети XIX в. Алтай был одним из крупных промышленных районов Российской империи и главным центром производства серебра. В окончательно сложившийся к 1817 г. комплекс предприятий входили пять сереброплавильных заводов — Барнаульский, Павловский, Змеиногорский, Локтевский и Гавриловский; Сузунский медеплавильный завод и монетный двор, а также Томский и Гурьевский заводы — предприятия черной металлургии и металлообработки. К этому времени обширный горнозаводской район юга Западной Сибири располагался на территории таких современных регионов, как Алтайский край и Республика Алтай, Новосибирская, Кемеровская области, юг Томской области, западная Хакасия и Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан. Горное начальство Кольвано-Воскресенских заводов (с 1834 г. — Алтайского горного округа) подчинялось императорскому Кабинету — особому ведомству, которое занималось доходами и расходами русских императоров.

Горнозаводской эпохой на Алтае в разных аспектах занимались многие советские и современные исследователи: Т.И. Агапова, З.Г. Карпенко, А.П. Бородавкин, А.Т. Топчий, В.П. Зиновьев, А.Н. Жеравина, В.А. Скубневский, В.Н. Разгон, А.В. Контев, Т.Н. Соболева, А.А. Пережогин, П.А. Афанасьев, А.Е. Кухаренко и др. В целом в историографии преобладает образ горнозаводского Алтая как географически, ведомственно, экономически изолированной территории, а царившие здесь порядки рассматриваются как исключительное, беспрецедентное явление в российской истории. Хотя этой точки зрения придерживаются не все исследователи, тем не менее горнозаводской Алтай продолжительное время изучался по преимуществу отдельно от контекста истории России периода империи.

Нельзя не указать и на другую историографическую закономерность — это систематическое изучение управления и горнозаводского производства, при котором горнодобывающие и металлургические предприятия рассматриваются как единый взаимосвязанный производственный комплекс. С его функционированием исследователи увязывают различные по важности и масштабу кадровые и организационно-хозяйственные вопросы, решением которых занимались императорский Кабинет и местное горное начальство в течение всей горнозаводской эпохи, занявшей 150 лет (1747–1896 гг.). В конечном итоге, в истории Алтая становилось все меньше белых пятен, сформировался цельный образ горнозаводского района.

Формирование образов исторических явлений — это, пожалуй, главный итог исследований, который имеет важное практическое значение для преподавания региональной истории в школах и вузах. Изучением горнозаводского Алтая ученые и путеше-

ственники начали заниматься уже в 70-е гг. XVIII в. Как ни удивительно, но их достижения в исследовании Алтая второй половины XVIII–XIX вв. интересовали исключительно краеведов. Они освещены лишь в двух книгах научно-популярного характера, которые были изданы в советский период. Н.А. Камбалов и А.Д. Сергеев в книге «Первооткрыватели и исследователи Алтая» увязали процесс присоединения и хозяйственного освоения территории с исследованиями Алтая. Это первый в историографии обширный труд, где подробно представлена деятельность многих исследователей. Главной причиной участия государства в этом процессе авторы видят в том, что жизнь требовала усиленного и всестороннего изучения обширной территории, природных и экономических ресурсов края [1, с. 19]. В отличие от своих предшественников М.Ф. Розен выступает одновременно как краевед и профессиональный геолог. Характеризуя труды путешественников, он оценивает вклад и достижения Г.М. Ренованца, А. Гумбольдта, П.А. Чихачева и других в изучении проблемы происхождения Алтайских гор и развитие геологии в целом [2, с. 57, 75, 83].

Возникает вопрос: как современники воспринимали горнозаводской район Западной Сибири, под влиянием каких факторов находилось формирование его образа? Главная проблема в изучении этого вопроса состоит в том, что никакого единого образа Алтая в записках современников не существовало. Они находились на Алтае в разное время, с разными целями, воспринимали горнозаводской район с разных мировоззренческих позиций, не говоря уже о том, что восприятие окружающего мира вообще индивидуально.

Автор статьи пришел к выводу, что поиск ответа на поставленный вопрос представляет собой ценность только при одном условии, а именно при сопоставлении современных научных представлений о горнозаводской эпохе с сочинениями современников. В таком случае свидетельства очевидцев перестают играть роль нарративного источника, который служит просто для того, чтобы извлекать из него исторические факты. Поэтому для нас важно установить, как впечатления современников-очевидцев соотносятся с современными научными представлениями.

Само политическое присоединение Алтая началось с основания Томского острога в 1604 г. и закончилось строительством Бухтарминского редута на китайской границе в 1791 г. В XVIII в. регион получил горнопромышленную специализацию. Металлургические заводы здесь возникали сразу как крупные, современные для той эпохи предприятия, опирающиеся на местную рудную базу, состоявшую из легкоплавких руд высокого содержания в близповерхностном залегании, т. е. с выходами месторождений на поверхность.

Русских людей издавна волновала древняя история Алтая, потому что в поисках рудных месторождений они наталкивались тут и там на остатки древних

рудников и огарки плавлен. Сложилось представление о чуди — древнем народе, некогда населявшем эти обширные пространства. Все рудники, в том числе и наиболее крупные, а также прииски были основаны на местах чудских копей. В строгом смысле русские «рудознатцы» не стали первооткрывателями месторождений, хотя многие рудники были названы по фамилиям тех, кто заявил о находке залежей руды. Так, в историю Алтая вошли Зыряновский, Риддерский, Петровский, Черепановский, Карамышевский и многие другие рудники. В исследовании недр даже специалисты в горном деле шли как бы наощупь, цепляясь за остатки древних разработок, чудские копи [3, с. 233].

На главном Змеиногорском руднике нашли древнюю крепь и скелет древнего рудокопа с орудием труда из кости и кожаным мешком, наполненным золотыми и серебряными самородками. Об этом упоминает ученый-энциклопедист П.С. Паллас, посетивший Алтай в 1771 г., и особенно его современник геолог Ганс Михаэль Ренованц (в русской службе — Иван Михайлович). Он осматривал древнюю крепь и заметил, что истлевшее дерево самородным серебром и золотом как бы обсыпано, зафиксировав таким образом процесс, известный современной геологии как миграция металлов. Г.М. Ренованц критически оценил уровень отработки месторождений древними людьми: глубоко не копали, внутренние ходы делали извилистыми (что нерационально) и были еще худшими металлургами, чем горняками [4, с. 157–158].

С позиций современных научных представлений Алтай был «котлом народов» и, занимая срединное географическое положение в Евразии, сыграл ключевую роль в заселении материка. Но в горнозаводскую эпоху, что характерно, представления о древних народах были связаны с горнопромышленным профилем региона, и описания Кольвано-Воскресенских заводов всегда начинались именно с упоминания о чуди, некоем древнем народе. Благодаря чудским копиям, находимым в великом множестве на голых сопках, сложилось представление, что недра целой страны состоят из серебра.

Примечательно, что материалы дореволюционного картографического фонда № 50 Государственного архива Алтайского края содержат чертежи рудников, составлявшиеся ежегодно в соответствии с действовавшими в XVIII–XIX вв. установлениями. В ранних чертежах множества рудников обозначены «чудские копи», на местах которых закладывались шурфы до 3 м глубиной, чтобы определить направление простираения жилы вглубь для верного выбора мест закладки главных шахт и штольни.

Что привлекало на Алтай исследователей начиная со второй половины XVIII в.? По оценке Иоганна Фалька, побывавшего на Кольвано-Воскресенских заводах в 1771 г.: «Ни один горный город в свете

не доставляет такого количества и по такой дешевой цене драгоценных металлов, как Барнаул» [5, с. 54]. А. Гумбольдт объяснил причины посещения юго-востока Западной Сибири в 1829 г. так: «Самым важным продуктом Алтая было серебро, прибыль от которого была больше, чем в каком-либо другом месте на континенте» [6, р. 280]. Здесь требуется пояснение: во времена Фалька отработка месторождений сводилась к охоте за самыми богатыми залежами, поэтому чистая прибыль, получаемая от выплавляемых металлов, была намного выше, чем даже в Мексике, Бразилии и Перу. Металлургическое производство на Алтае возникло поздно в сравнении с Западной Европой, где серебряные рудники появлялись еще в XII–XIV вв., и самые богатые легкодоступные залежи были давно исчерпаны. На Алтае подобные залежи стали ресурсом взрывного роста производства. Но во времена Гумбольдта ситуация на Кольвано-Воскресенских заводах кардинально изменилась: содержание серебра в рудах упало. Для стабилизации производства на уровне не менее 1 тыс. пудов в год в горнозаводском округе вынуждены были перейти к соразмерной проплавке богатых и бедных руд, поэтому себестоимость производства стала выше, чем в испанских колониях Латинской Америки, но оставалась ниже, чем в Саксонии, Гарце и Австро-Венгрии.

Алтай привлекал геологов. Г.М. Ренованц, служивший на Алтае в начале 80-х гг. XVIII в., был сторонником нептунической теории и потому считал, что горы Алтая образовались в результате высыхания древнего моря. Ему удалось объяснить происхождение больших массивов осадочных пород в рудниках. Вопрос о том, почему месторождения окружают безрудные сопки, по внешнему виду и внутреннему строению ничем не отличимые от мест расположения рудников, остался без ответа. А. Гумбольдт, посетивший Алтай полвека спустя, как сторонник плутонической теории, объяснил происхождение месторождений усиленной вулканической деятельностью. Таким образом, общая картина кардинально менялась: месторождения оказались древнее осадочных пород, в которых они находились.

Если соотнести даты пребывания путешественников на Кольвано-Воскресенских заводах с динамикой производства серебра, окажется, что посещения Алтая совпадут с ключевыми моментами в истории горнозаводского производства. По нашему мнению, они должны были ответить на вопрос, смогут ли заводы Алтая увеличить объемы производства и насколько именно. Все ученые и путешественники, проявлявшие интерес к региону до конца первой трети XIX в., были иностранцами. Их записки издавались на немецком языке за границей, позднее часть из них была переведена на русский язык, в том числе в советское время, некоторые сочинения так и остались на языке оригинала.

В 1771 г., когда на Алтай в составе академической экспедиции прибыли П.С. Паллас и И.П. Фальк, местная промышленность показала рекорды выплавки серебра до 1227 пуд. (показатель 1772 г.). К этому достижению заводы в будущем не смогут приблизиться. Причиной успеха была погоня за самыми богатыми залежами Змеиногорского месторождения, быстрое исчерпание которых предопределило стремительный упадок заводов в течение 1779–1785 гг., когда произошло четырехкратное сокращение производства. В 1779 г. на Алтай приехал И. Ренованц. Он прослужил в кабинетском ведомстве до 1785 г. Проведя экспертизу отработки месторождений, геолог подверг резкой критике практиковавшуюся авральную добычу лучших руд. В 1786–1798 гг. Кабинет совместно с местной администрацией провел важнейшие мероприятия по стабилизации производства на уровне не ниже 1 тыс. пудов серебра в год. Устойчивое состояние колывановоскресенской промышленности в этот период зафиксировал И. Герман [7, с. 1–268]. Однако в 20-х гг. XIX в. остро встал вопрос: удастся ли удержать этот производственный показатель на указанной отметке? Причина крылась в сокращении добычи руды на Змеиногорском месторождении. Главный рудник округа был признан истощенным еще в 1817 г. Руководители двух экспедиций 1826 и 1829 гг. К.Ф. Ледебур и А. фон Гумбольдт по-разному отреагировали на стоявший перед ними вопрос. К.Ф. Ледебур уклонился от четкого ответа на него. Экспедиция Гумбольдта пришла к выводу, что Алтай не сможет дать серебра больше, чем производит.

Изменение географии главных промышленных объектов влияло на экспедиционные маршруты ученых и путешественников. Сначала они ограничивались Барнаулом и Змеиногорском. В конце XVIII в. были открыты новые богатые месторождения руд — Риддерское и Зырянское, а в 1802 г. начал работу Колыванский камнерезный завод. Поэтому в первой трети XIX в. круг посещаемых населенных пунктов и расположенных там промышленных заведений расширился.

Переходя к оценке восприятия учеными и путешественниками Колывано-Воскресенских заводов в природном ландшафте, нужно отметить два обстоятельства. Первое: по мере возведения новых промышленных объектов в течение 60-х гг. XVIII в. — первого десятилетия XIX в. ведомственная территория сама по себе расширялась. Второе связано с окончательным закреплением за Россией к началу XIX в. важнейшей сереброносной провинции — Рудного Алтая (современный северо-восточный Казахстан) в результате нового расклада сил, сложившегося в Центральной Азии после разгрома Китаем Джунгарского ханства в 1755–1758 гг.

Современник Гумбольдта В. Мак Джиливрей в середине XIX в. отмечал, что расположение богатейших

Змеиногорского, Зырянского, Риддерского и Крюковского месторождений показывают, что сереброносный регион охватывает третью часть Алтая, а сам Алтай по площади немногим менее Великобритании [8, p. 378].

Хозяйственное освоение недр Алтая являлось регионообразующим процессом. Когда завершилось формирование территориально-производственного комплекса, «окружность» Колывано-Воскресенских заводов совпала с пространствами исторической территории Алтая. Вокруг предприятий за 10–20 лет возникали крупные поселки, сопоставимые по численности населения с самыми крупными городами Московской губернии, исключая, конечно, Москву. Такими были Барнаул, Змеиногорск, Сузун, Павловск. Рудовозные тракты постепенно развились в крупные транспортные артерии, как, например, Змеиногорский и Павловский тракты, не утратившие свои исторические названия. Бывшие горнозаводские центры сохранили исторически сложившиеся городские планировки. Надо отметить, что этот вопрос малоизучен и еще ждет своего исследователя. Именно планировка, на наш взгляд, определяет мироощущение индивида в городском пространстве. Нельзя не указать на этот важнейший мировоззренческий аспект в контексте связи прошлого и настоящего. Мы живем в культуре, в рамках которой ценность прошлого очень высока и определяется не только тем, что до нас дошли отдельные кирпичные старинные здания, выделяющиеся своей архитектурой, но и гидротехнические сооружения типа плотин в Павловске, Змеиногорске, Сузуне, Горной Колывани, имевших в горнозаводскую эпоху важное промышленное значение.

Оценивая успехи хозяйственного освоения «Барнаульской или Колыванской области», И. Фальк писал: «До этого была она совершенная пустыня, которая до Колыванских горных работ и впоследствии была подвержена частым грабежам киргизцев и джунгорцев, присваивавших себе горную страну и похищавших скот и людей» [5, с. 30]. В этом высказывании подспудно присутствует образ Алтая как территории, где столкнулись волны русской и джунгарской экспансии, шедшие с противоположных направлений. Набегам кочевников русские противопоставили две линии крепостей, форпостов, маяков и защит, Колыванскую и Кузнецкую, обозначив пределы джунгарской угрозы и стремление выдавить джунгарское влияние в регионе. Фальк замечает, что с тех пор еще не прошло и полвека, но Колыванские заводы уже стали одним из крупных европейских центров производства серебра. В исторической справке, которую дал И. Фальк, им выделены два периода горного дела на Алтае — демидовский (1727–1747 г.) и кабинетский (с 1747 и до 1771 г.), когда он посетил Алтай. Каждый период представлял собой двадцатилетие, но из статистических данных видно, что горное дело с 1747 г. развива-

лось значительно более быстрыми темпами. Фальк нарисовал двойственную картину присоединения Алтая, в которой крестьянские поселения перемежаются с названиями крепостей, форпостов и прочих укрепленных пунктов. Очевидно, путешественник в сочетании политического присоединения и стихийной крестьянской колонизации видел основу того бурного промышленного развития, которое он застал здесь.

Ленточные боры, т. е. отсутствие сплошного лесного массива, определили большие расстояния между рудниками и заводами. Аналога такому территориальному размаху в зависимости от разрыва рудной базы и предприятий металлургии не было ни в горных округах России, ни, тем более, в Западной Европе. Даже на Урале и на Нерчинских заводах предприятия строились вблизи месторождений. Главный Змеиногорский рудник и большой Барнаульский завод отделяло расстояние в 360 км. В производственный процесс на подсобных работах вовлекались массы крестьянского населения, проживавшие на огромных пространствах. Процесс окончательного оформления «округи» Колывано-Воскресенских заводов примечателен тем, что Алтайский горный округ (до 1834 г. — Колывано-Воскресенские заводы) в общем и целом в своих административных границах совпал с исторической территорией, которую представлял собой Алтай, расположенный на границе гор и степи.

Тем не менее сначала Колывано-Воскресенские заводы воспринимались как горная страна, потому что все внимание было приковано прежде всего к богатствам недр Змеиногорского края. Змеиногорский рудник являлся рудной базой Колывано-Воскресенских заводов с 1745 по 1817 г. Окончательно его разработка была прекращена только в 1871 г. До конца XVIII в. змеиногорское месторождение практически полностью покрывало потребности заводов в руде.

А. Шлёцер сравнивал богатства Змеиногорского месторождения с рудником Потоси в Мексике [9, S. 151], но не по запасу руд, а по содержанию в них серебра в верхних горизонтах рудника. На самом деле, по нашим подсчетам, за 75 лет Змеиногорский рудник дал столько же серебра, сколько за 2–3 года плавилось из руд рудников Закатекас, Каторхе, Гуанохвата и других в Мексике. Размер запасов змеиногорского месторождения и характер залегания руд был определен на Колывано-Воскресенских заводах точно только в 70-е гг. XVIII в. Но образ Змеиногорского месторождения как богатейшего в мире все равно закрепился. К.Ф. Ледебур, описывая Змеиногорский рудник в 1826 г., констатировал, что, по-видимому, его богатства и размеры превосходят все известные серебряные рудники, допустив тем самым фактическую ошибку. При этом он признался, что не является специалистом ни в геологии, ни в металлургии.

Ренованц в своем сочинении сообщил предание о том, что богатства недр Змеиной горы охраняли га-

дюки, которых люди нещадно истребляли и сжигали в больших кучах диаметром до двух кубических сажень, или 4 м. Так или иначе, эта легенда объясняет происхождение названия Змеиногорского месторождения. В действительности оруденелый шпат дольше сохраняет накопленное за день тепло, вероятно, это привлекало змей, но достоверность легенды все же вызывает некоторые сомнения. Заинтересовавшийся легендой о змеях К. Ледебур не без удивления отметил, что местные крестьяне не воспринимали встречу с гадюкой как смертельную опасность. Максимальный ущерб от ее ядовитого укуса, по их мнению, — сорокоградусная температура в продолжение некоторого времени, а отнюдь не летальный исход.

Змеиногорский рудник и Барнаульский завод соединялись рудовозным трактом, который на протяжении примерно 100 км от Змеиногорска шел параллельно Колыванскому хребту, который привлекал к себе внимание, потому что являлся единственной возвышенностью среди однообразных окружающих степей. Наивысшая его точка — гора Синюха и живописное Колыванское озеро, находящиеся неподалеку от Змеиногорска и хорошо наблюдаемые с бывшего рудовозного тракта. Пространственный образ этой местности действительно формируется тремя доминантами: Колыванский хребет, гора Синюха и Колыванское озеро. Только в центр этой умозрительной горной страны ученые и путешественники помещали Змеиногорский рудник.

Барнаульское предприятие привлекало внимание путешественников как главный завод, где осуществлялась финальная сплавка всего серебра, произведенного на других заводах, чтобы серебро получилось одинаковой пробы для отправки на Санкт-Петербургский монетный двор. Первое описание Барнаула дал П.С. Паллас. Он прибыл на Колывано-Воскресенские заводы в один год с И.П. Фальком. Но путешествовали они в составе двух разных отрядов академической экспедиции. Очевидно, задача описания истории и современного им состояния горнозаводского производства была возложена на Фалька, но во вступлении к описанию Барнаула Паллас замечает, что по приезде в город Фальк заболел. Другая ремарка, которую Паллас счел важным и необходимым сообщить читателю, касалась его избыточной загруженности: днем он собирал «опросные» сведения, ночами делал собственное описание, отходя ко сну под утро.

Городское строительство в Барнауле Паллас застал в самом его начале. Дома для горных офицеров и служителей планировалось расположить «по линиям» в северной стороне поселка. Тем самым было положено начало регулярной застройки Барнаула, которой он будет отличаться от многих сибирских городов. На правом берегу Барнаулки планировалась постройка каменной церкви, «коя будет построена на новый вкус, и чаятельно месту сему немалую

придаст красу» [5, с. 12]. Таким образом, Паллас зафиксировал ситуацию с городской застройкой, типичную для заводских поселений, где планировка привязывалась к заводской плотине. Завод, расположенный на юго-западной окраине города, давал начальные координаты планирования городских улиц «по линиям». Прямоугольная форма производственной площади завода согласовывалась с правильной регулярной планировкой улиц. Складывался типичный для горного города силуэт, в котором выделялись две доминанты — церковь как самое высокое сооружение, а также заводские корпуса с дымящимися трубами. Такое впечатление Барнаул произвел на проф. К.Ф. Ледебур в 1826 г.: «Застроен он планоно, имеет приятный изящный вид: улицы широкие и прямые, переулки пересекают их под прямым углом» [10, с. 146].

Доктор Г. Розе прибыл на Алтай в составе экспедиции А. Гумбольдта в 1829 г. Его записки путешествий были изданы в Германии в 1837 г. и на русский язык до сих пор не переведены. В описании Розе акцент сделан на планировку населенного пункта: «Город (Барнаул) состоит из множества широких, пересекающихся под прямым углом улиц в основном деревянных домов, большинство которых маленькие, и отстоящих друг от друга на значительное расстояние, отчего город имеет намного большей размер, который можно предположить при населении, насчитывающем около 9 тыс. чел. Окрестности вряд ли можно назвать красивыми» (11, S. 512–513). Значительное расстояние между домами — характерная черта городской застройки, вызванная соблюдением противопожарной безопасности.

Образ Змеиногорска в первой трети XIX в. формировался двумя доминантами — рудником и конной железной дорогой, соединявшей Змеиногорский рудник и сереброплавильный завод. Окрестности рудника составляла Караульная сопка, абсолютно доминировавшая по высоте и массивности над окрестностями, горный пруд и река Змеевка у подошвы Змеиной горы.

Змеиногорский рудник был хорошо механизирован. На водоотливе и для подъема руд действовало 4 наливных колеса, а число насосов, откачивавших грунтовые воды, достигало десяти. Колеса приводились в движение одной и той же массой воды, последовательно подаваемой по каналу от одного колеса к другому. Колеса при работе производили «ужасный шум». «Шум этот слышен задолго до того, как приближаешься к колесам, — делился впечатлениями Ледебур, — не без страха проходит новый человек мимо колес по доскам, омываемым водою, положенным кое-как в качестве мостков над подземными водами, и наблюдает на близком расстоянии за быстрым вращением колес» [10, с. 28–29]. К концу первой трети XIX столетия это был самый глубокий из местных рудников, достигавший глубины 220 м и 12 этажей. Врач И. Брыков в своих записках упоминает о куз-

нице на глубине более 35 м и Вознесенском колесе 16 м диаметром. Он дал подробное описание работ внутри и на поверхности рудника, поделился впечатлениями о посещении сереброплавильного завода. «Прекраснейшая чугунная дорога» украшала въезд в город [12, с. 54]. Ледебур указывал на вторую кузницу на глубине 60 м. Сильное впечатление на путешественника оказал лабиринт ходов, «темные ходы, из которых появляются темные фигуры и проходят мимо; рабочие, хорошо зная расположение рудничных ходов и коридоров, обычно не пользуются своими фонариками» [10, с. 29].

Описывая Змеиногорск, К. Риттер привел следующие данные: «Более 900 домов с населением около 4 тыс. человек, преимущественно горняков, горных офицеров, относящихся к горной конторе, военные, также несколько купцов, большой госпиталь на 300 больных с садом с лекарственными растениями. Железная дорога для перевозки руды, кузница, гидравлические колеса, завод и рудник, минералогические собрания и т. д. Все это составляет достопримечательность этого замечательного места, которое в истории цивилизации на Алтае повторяет ту же роль, которую сто лет назад играл Екатеринбург на Урале, на границе между Азией и Европой, двумя столетиями ранее цивилизационный центр Нового мира на гребне Кордильер, рудник Потоси, на границе Панамы и Мексики» [13, S. 845].

Барнаул и Змеиногорск приобретали роль культурных центров Сибири, и путешественники характеризовали их именно в таком качестве. С середины XVIII в. на Алтае служило полтора десятка саксонских мастеров и специалистов. В 1764 г. пастором в Барнаул и Змеиногорск был назначен Э.Г. Лаксман. В своих письмах из сибирского края он, в частности, сетовал на прикладной, чисто утилитарный характер профессионального образования. Его удручало, что на Барнаульском заводе отзывались о знаниях химии и естественных наук как о ненужных. Русский редактор и издатель перевода писем Лаксмана Г.И. Спасский заметил, что с учреждением Горного училища в Санкт-Петербурге в 1773 г. «Кольванские рудники и заводы... приобрели чиновников с обширнейшими сведениями» по разным наукам, не только горным [12, с. 24]. В целом к концу первой трети XIX в. за Кольвано-Воскресенскими заводами закрепились прочная репутация культурного центра Сибири. В Змеиногорске и Барнауле ученые и путешественники встречали столько же людей, говорящих на иностранных языках, сколько их было, пожалуй, во всей Сибири.

Ледебур и Розе с большим вниманием осматривали коллекции главного начальника заводов П.К. Фролова и управляющего медицинской частью доктора Ф.В. Геблера, а также музей в Барнауле, созданный по инициативе Фролова и являвшийся первым в Сибири культурным заведением такого типа. Кол-

лекция главы окружного управления содержала тибетские, китайские и арабские манускрипты. В доме Фролова имелся «китайский кабинет»: вазы, мебель, произведения искусства. Отзываясь об энтомологической коллекции Геблера, Розе отметил, что она пополнялась путем обменов экземпляров насекомых на коллекции со всего мира: «профессор Эренберг был сколь обрадован, столь и удивлен, обнаружив большое количество насекомых, собранных им в его африканском путешествии, которые доктор Геблер получил от Берлинского музея» [11, S. 521].

В записках путешественников Колывано-Воскресенские заводы предстают в процветающем состоянии. Образ подневольных работников, который также присутствует в них, соответствует общей картине. На Алтае сложилось две основных категории рабочей силы. Под названием мастеровых в историографии закрепилось обозначение квалифицированных горнопромышленных кадров, горняков и металлургов. По совокупности прав и обязанностей они были близки к рекрутам регулярной армии: рекрутчина как источник пополнения численности, наследственный пожизненный характер службы, жесткая палочная дисциплина. Приписные крестьяне, помимо государственных налогов, выполняли в пользу заводов отработки: рубку дров, разломку угольных куч, извоз «заводских тяжестей», руд и прочих материалов, потребных в производственном процессе.

Если следовать за характеристикой ученых и путешественников положения мастеровых и приписных крестьян, то оно вполне благополучное, что является к тому же заслугой горных властей. И.Ф. Герман дал описание положения этих двух категорий населения с точки зрения администратора, заинтересованного лишь в исправном отбывании ими заводских повинностей. А то, обстоятельство, что горные и заводские служители «содержатся на военной ноге» [7, с. 285], по его мнению, способствовало лишь дисциплине, тишине и спокойствию. Г.И. Спасский идеализировал учреждение на заводах трехсменной работы, при которой каждую третью неделю мастеровой получал время для отдыха. Эта система была, по его оценке, «поспешествующей благосостоянию рабочих людей» [14, с. 114]. К.Ф. Ледебур выразил свое восхищение бесплатным лечением в госпиталях мастеровых следующей фразой: «В самом деле, радостно видеть, что во всем горнозаводском округе проявляется забота о здоровье рабочих» [6, с. 41]. Описывая сады, относящиеся к Барнаульскому и Змеиногорскому госпиталям, он же заметил, что тишина и чистый воздух способствуют выздоровлению больных, и не слова о производственных заболеваниях и травматизме. Отзываясь о горняках Риддерского рудника, Ледебур лишь скользь заметил, что «положение рабочих... очень хорошее, если у них нет недостатка в прилежании» [10, с. 41]. Другая его оговорка касалась указания

на Риддерск как место ссылки горняков за проступки. Однако у него, как и других путешественников, нет сведений о широко распространенной на Алтае практике телесных наказаний.

Описывая состояние приписных крестьян, ученые и путешественники всячески констатировали процветающее состояние их хозяйства и иногда ставили это в заслугу горным властям, как, например, Дж. Кокрен. Он считал, что «процветающее» состояние «Колывани» — заслуга главного начальника П.К. Фролова [15, с. 76–77; 16, р. 190–191]. Труд приписных крестьян использовался одновременно в двух сферах: сельском хозяйстве и промышленном производстве, конечно, исполнение заводских повинностей отнимало у них время от занятий сельским хозяйством. Но авторы всячески сглаживали это обстоятельство, приводя разные факты. Например, Ледебур рассказал о крестьянине, который держал 40 лошадей, зарабатывая на вольном извозе руд. Действительно, часть крестьян, живших вблизи промышленных объектов, нанималась для выполнения заводских отработок за приличные деньги, которые вынуждены были платить те, кто по разным причинам был не в состоянии выполнить свою повинность. Поэтому это был источник дохода для одних и обнищания для других.

Вообще же проблема оценки образа Алтая состоит в том, что какого-то единого образа в дореволюционной литературе не сложилось: субъективное восприятие реальности сугубо индивидуально; путешественники приезжали в разное время, но территория, подведомственная горному начальству расширялась и возникали новые предприятия, а это влияло на восприятие Алтая; путешественники в основном посещали лишь крупные административные центры — Барнаул и Змеиногорск и т. д.

Тем не менее современников волновали мировоззренческие проблемы. Богатства недр требовали ответа о процессах формирования залежей. Прогресс геологии позволял связать вулканическую деятельность на раннем периоде горообразования с наличием осадочных пород, оставшихся от покрывавшего землю древнего моря в более позднюю геологическую эпоху.

Следы деятельности древнего народа «чуди» заставляли обращаться к ранним этапам истории человечества. Причины быстрых успехов горнозаводского производства и рекордно низкая себестоимость серебра приковывали внимание к процессам политического присоединения Алтая к России и земледельческой колонизации, служившими той самой основой, на которой в кратчайшие сроки появилось горнозаводское производство мирового уровня.

Попытки осмыслить, что есть Алтай, предпринимаются в течение вот уже 250 лет учеными, философами, путешественниками, писателями, публицистами. Начало этому было положено в горнозаводскую эпоху. И пока не удалось дать определение, что есть

Алтай. Главным итогом этого осмысления, пожалуй, стал вывод о том, что Алтай не может быть понятием.

Мировоззренчески это историческая территория на границе страны гор и великой степи, которая привлекала массы населения и требовала от них выплеска огромной совокупной психической и физической энергии. В древности Алтай — «котел народов», территория в центре Евразии, сыгравшая важную роль в процессе заселения континента.

Хозяйственному освоению его недр русскими предшествовало столкновение России и Джунгарского ханства. Присоединению Алтая, которое заняло все XVII и XVIII столетия, способствовали два мощ-

ных процесса, протекавшие параллельно — политическое присоединение со строительством острогов, форпостов, защит, а также стихийная народная колонизация, превратившая эту страну, почти не знавшую земледелия, в один из главных сельскохозяйственных районов России.

С середины XVIII столетия в этой исторической нише на основе политического присоединения и народной колонизации за каких-то 15–20 лет удалось создать крупный центр металлургии серебра, который приобрел мировое значение. От производства серебра, валютного металла, зависел экономический потенциал России и возможности ее развития.

Библиографический список

1. Камбалов Н.А., Сергеев А.Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. — Барнаул, 1968.
2. Розен М.Ф. Очерки об исследователях и исследованиях Алтая (XVII — начало XX вв.) — Барнаул, 1996.
3. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. — СПб., 1882.
4. Ренованц И.М. Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах, принадлежащих к Российскому владению. — СПб., 1792.
5. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. — Барнаул, 2005. — Т. I.
6. Blackwood James. The Life and Travels of A. Von Humboldt, with an Account of His Discoveries. — L., 1860.
7. Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. — СПб., 1801. — Ч. III.
8. McGillivray William. The Travels and Researches of Alexander Von Humboldt. — Edinburg, 1859.
9. Schlözer A.L. Münz-, Geld- und Bergwerksgeschichte des Russischen Keisertums vom J. 1700 bis 1789. — Göttingen, 1791.
10. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. — Новосибирск, 1993.
11. Rose G. Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspihen Meere. — Berlin 1837. — Band 1.
12. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. — Барнаул, 2007. — Т. II.
13. Ritter K. Erdkunde von Asien. — Berlin, 1832. — Band I.
14. Спасский Г.И. Примечания к путешествиям на Тигирецкие белки и по Южным Алтайским горам // Сибирский вестник. — 1819.
15. Ведерников В.В. О барнаульских впечатлениях английских путешественников Джона Кокрена и Чарльза Котрэла // Краеведческие записки — Вып. 9. — Барнаул, 2011.
16. Cochran John Dundas. Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary. 2nd edition. — L., 1824. — Vol. 1.